

УДК 811.161.1'76:82

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ В ДИСКУРСЕ Л. ТОЛСТОГО

Архангельская Юлия

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,

Тула, Россия

В статье анализируются разные типы трансформаций фразеологических единиц, которые способствуют выражению иронии в дискурсе Л. Н. Толстого. Индивидуально-авторские варианты фразеологических единиц взяты из текстов писателя различной жанровой и стилистической принадлежности.

Ключевые слова: окказиональные преобразования фразеологизмов, семантическое варьирование, формально-семантические трансформации, структурное варьирование, фразеологическое новаторство Толстого.

Проблеме варьирования фразеологических единиц (далее ФЕ) посвящено в последние годы большое количество исследований, что является свидетельством многочисленных нерешенных вопросов в этой области фразеологии. Трансформация фразеологизмов может затрагивать как план содержания (семантическое варьирование), так и план выражения (формально-семантическое, структурное варьирование) [1, с. 17–35].

Цель данной работы – проанализировать окказиональные варианты фразеологических единиц обоих типов, которые выражают иронию в текстах Л. Н. Толстого различной жанровой и стилистической принадлежности.

Под семантическим варьированием во фразеологии традиционно понимают либо полисемию ФЕ, либо эврисемию (широкозначность), либо оттенки значения вариантов. Не претендуя на выявление границ между данными явлениями, остановимся на некоторых разновидностях толстовского окказионального преобразования семантики ФЕ, не связанных с изменениями плана выражения. С. О. Карцевский справедливо отмечал: «...Мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую ценность знака. Но мы начинаем замечать это только тогда, когда разрыв между «адекватной» (обычной) и случайной ценностью знака достаточно велик, чтобы произвести на нас впечатление» [2, с. 88].

Среди окказиональных вариантов ФЕ, в которых трансформации подвергается только план содержания, наиболее часто встречается индивидуально-авторская конкретизация значения не всей ФЕ, а отдельных ее компонентов, происходящая под влиянием контекста и достигающаяся в текстах Толстого различными способами. Одним из приемов является распространение компонентного состава фразеологической единицы словами, уточняющими семантику ФЕ. Этот прием основан «на использовании механизма относительной проницаемости

фразеологизма, а именно на возможности реализации в тексте синтаксической валентности одной из лексем в его составе» [3, с. 139]. Например, желая подчеркнуть, что работа над статьей “Тулон” идет медленно и непродуктивно, Толстой пишет: “Я все *толку воду в Тулонской ступе*” (Письмо Е. И. Попову, т. 67, с. 31). Ср.: *толочь воду в ступе* (‘заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время’ – ФСРЯ). В приведенном контексте слово «*Тулонской*» конкретизирует семантику отдельного компонента, при этом как бы внедряясь внутрь ФЕ, разрывая ее компонентное единство. Такая трансформация ФЕ помогает Толстому выразить самоиронию.

В других случаях в текстах Л. Н. Толстого компонентное единство ФЕ формально не нарушается, в контексте используется инвариант фразеологизма, но семантические изменения затрагивают внутреннюю форму ФЕ (образно-мотивационный компонент значения). Это случаи так называемой двойной актуализации ФЕ. Например, ФЕ *собак гонять* имеет узуальное значение ‘болтаться без дела, бездельничать’ (ФСРЯ), однако в следующем контексте из романа «Война и мир» наряду с фразеологическим значением актуализируется прямой план данной ФЕ: «Ты что, старый греховодник, – обратилась она к графу, целовавшему ее руку, – чай, скучаешь в Москве? *Собак гонять* негде?» («Война и мир»; т. I, ч. I, гл. XV). Граф Ростов был страстным охотником (охота с гончими и борзыми подробно описана в романе), и реплика Марьи Дмитриевны воспринимается как ироничный намек на это его увлечение.

Анализ окказиональных семантических вариантов ФЕ в текстах Л. Н. Толстого обнаруживает, что каждая единица выполняет, как правило, несколько связанных между собой функций, обусловленных как типом самого изменения (какой компонент значения варьирует), так и причиной (причинами) трансформации значения, а также особенностями включения ФЕ в контекст (например, содержится ли единица в речи персонажа или характеризует слова автора). В качестве иллюстрации приведем полифункциональную ФЕ *хлеб-соль* из рассказа «Севастополь в августе 1855 года». Толстой, рассказывая о начале штурма бастиона французами, описывает, как французы приближались, а в блиндаже «солдаты довольно спокойно застегивали шинели и вылезали один за другим; один даже – кажется, Мельников – шутливо сказал: – Выходи с *хлебом-солью*, ребята!» (т. 4, с. 79). В приведенном контексте ФЕ *хлеб-соль* претерпевает окказиональную семантическую трансформацию: обозначает не «пожелание приятного, хорошего аппетита тому, кого застали за едой» (ФСРЯ), а отпор врагу с помощью картечи и т. п. Авторский семантический вариант ФЕ *хлеб-соль* выполняет в тексте несколько функций: во-первых, выражает иронию, которая и дает основания для обнаружения у ФЕ противоположного смысла, что лежит в основе данного средства выразительности речи; во-вторых, выступает как средство создания экспрессии и образности (употребление в указанном выше контексте создает возможность возникновения в сознании читателя ассоциативной связи с древним образом битвы как пира; такая метафора в развернутом виде встречается еще в «Слове о полку Игореве»); в-третьих, вложенная автором в уста персонажа реплика, содержащая ФЕ, служит для характеристики душевного состояния солдат перед сражением: их

спокойствия, уверенности в себе, стремления не терять бодрости духа, их любви к шутке.

Типология варьирования плана выражения ФЕ разрабатывалась многими исследователями. Обычно выделяются следующие типы варьирования формы: фонетическое, словообразовательное, морфологическое, лексическое, структурное. Окаzionaliальные модификации подобного типа у Л. Н. Толстого часто выражают иронию, что указывает на желание автора усилить отрицательную оценку за счет введения компонента, аксиологически более категоричного, чем узуальный. Например, подобную интенсификацию отрицательной оценки получает окаzionaliальный вариант *бабьи бредни* по сравнению с узуальным *бабьи сказки* при сохранении понятийного тождества ФЕ ('вымысел, выдумки, небылицы' – ФСРЯ): «*Пьер доказывал, что придет время, когда не будет больше войны. Старый князь, подтрунивая, но не сердясь, оспаривал его.*

– *Кровь из жил выпусти, воды налей, тогда войны не будет. Бабьи бредни, бабьи бредни, – проговорил он...*» («Война и мир»; т. 10, с. 123).

Иногда русский компонент в составе ФЕ Толстой меняет на нетранслитерированный французский. При условии, что инвариант является исконно русским, такая мена приводит к комическому эффекту в результате обманутого ожидания. Такой трансформации подвергается, например, ФЕ *показать кузькину мать* в письме Л. Толстого брату С. Н. Толстому (письмо относится ко времени участия писателя в обороне Севастополя): «*В январе опять была тасовка офицеров, и меня перевели в батарею, которая стояла на горах в 10 в. от Севастополя на Бельбеке. Там j'ai fait á la connaissance de la mere de Кузьма [дословно: я познакомился с матерью Кузьмы (фр.)], самый гадкий кружок полячишек в батарее, командир, хотя и доброе, но сальное, грубое создание, никаких удобств, холод в землянках. Ни одной книги, ни одного человека, с которым бы можно поговорить*» (от 3 июля 1855 г.). Необходимо отметить, что в данном контексте помимо лексической мены компонентов ФЕ, происходит конверсия ситуации (*показать кузькину мать – познакомиться с кузькиной матерью*), что также способствует выражению самоиронии. Таким образом, индивидуально-авторские варианты данного типа при сохранении общего семантического тождества могут различаться коннотативными компонентами в своем значении.

Известная пословица *Бог даст день, бог даст и пищу* также выступает как объект авторского варьирования: «*Не скучай ты, голубушка, об Иване и не тревожь себя мыслями. Дал Бог ребеночка, даст ему и пищу*» (Письмо С. А. Толстой; т. 84, с. 42). Эти слова являются ответом на следующую фразу из письма С. А. Толстой: «*Иван худ и плохо поправляется, и меня это тревожит*» (там же). Речь здесь идет о маленьком сыне Толстых, и необходимость прямого обозначения актанта ситуации приводит к лексической мене компонента ФЕ, основанной на отношении денотации [3], что дает возможность «привязать» содержание пословицы к конкретной ситуации. При этом происходит актуализация значения ФЕ, возможность ее буквального прочтения, чему способствует также введение во вторую часть местоимения *ему*.

Субституции на основе денотации в текстах Толстого чаще всего выполняют функцию уточнения и конкретизации содержания выражения, а также помогают писателю выразить иронию, а вместе с ней дать отрицательную оценку изображаемому: «**Поэтам этим имя легион**» («Что такое искусство?»; т. 30, с. 93) (ср.: *Имя им легион*); «**Добродетели никто не любит; она всем глаза колет**» («Война и мир»; т. 10, с. 93) (Ср.: *Правда глаза колет*); «**Эти новые метлы не чище, а дольше метут**» («Воскресение»; т. 32, с. 70) (Ср.: *Новая метла чисто метет*). *На обухе хлебец молотить* вместо *на обухе рожь молотить* ('прибегать к самым крайним мерам, делать все, чтобы обогатиться' – ФСРЯ): «– **Немец на обухе молотит хлебец...**, – перекладывая янтарь на другую сторону рта, сказал Шиншин и подмигнул графу» («Война и мир»; т. 9, с. 71). Однако, анализируя подобные трансформации, которые можно охарактеризовать как формально-семантические, поскольку они затрагивают как форму, так и значение ФЕ, следует иметь в виду, что «при конкретизации и видоизменении в речи денотативного содержания сохраняется сигнификативное ядро фразеологического значения, обеспечивающее его тождество в различных употреблениях» [4, с. 57].

Под структурным варьированием во фразеологии понимают трансформации ФЕ, связанные с их синтаксическим устройством, которые обычно заключаются в «морфолого-словообразовательном преобразовании компонентов, добавлении или опущении отдельных структурных элементов, перераспределении синтагматических связей внутри фразы, изменении порядка следования компонентов» [3, с. 107–108]. К структурным преобразованиям, в частности, относят преобразование устойчивых фраз (фразеологических единиц, построенных по модели предложения) по линии утверждения – отрицания, что нередко сопровождается у Толстого лексической субституцией на основе денотации: «**Вашу бочку меда мне не испортит ложка Голохвостовых, а их я легче перенесу**» (Письмо Н. Н. Страхову от 6.12.1876, т. 62, с. 294) – П. Д. и О. А. Голохвостовы пробыли у Толстых с 28.12. по 8.01.1876 (ср.: *Ложка дегтя портит бочку меда*). Подобные мены в текстах Л. Н. Толстого чаще всего выполняют функцию уточнения и конкретизации содержания единицы, кроме того, позволяют сделать высказывание более лаконичным, а также нередко (как в данном контексте) служат средством выражения авторской иронии и оценки.

К структурному варьированию во фразеологии относят также трансформации двусоставных устойчивых фраз в субстантивные конструкции: *На воре шапка горит* → *горящая на воре шапка*. Например: «**И меня всегда радует вид горящих шапок как на консерваторах православных, так и на вольнодумных либералах**» (Письмо В. В. Стасову, т. 67, с. 216). В данном случае структурное варьирование осложняется лексической меной компонентов (*на воре* – *на консерваторах православных, на вольнодумных либералах*). *Ложка дегтя губит бочку меду* → *ложка дегтя, губящая бочку меда*: «**Суеверия – это те же ложки дегтя, губящие бочки меду, и их нельзя не ненавидеть или, по крайней мере, не смеяться над ними**» (Письмо Н. П. Вагнеру от 25.03.1890, т. 65, с. 59). В последнем примере наряду со структурным варьированием наблюдается окказиональное грамматическое преобразование (единственное число меняется на множественное).

Выражению иронии у Толстого нередко способствует такая синтаксическая трансформация фразеологизма, при которой происходит вычленение лексического фрагмента из состава устойчивой фразы. При этом «вариант, выделяемый из состава фразы, не воплощает в себе целостную семантику всей ФЕ, а передает лишь одно из понятий (смыслов), входящее в пропозитивное содержание ФЕ или тесно связанное с ним» [3, с. 136]. Например, *Встречают по платью, провожают по уму* («по внешности, по первому впечатлению судят только вначале; чтобы правильно оценить человека, необходимо узнать, понять его») → *встречать по платью* («судить о человеке по первому впечатлению»): «Еще новость, что Толстые все приехали, и в гостинице Рим (на Тверской) их, благодаря их полушубкам, **встречают по платьям**» (Письмо М. Л. Толстой от 9.02.1889, т. 64, с. 220).

Наиболее ярко фразеологическое новаторство Толстого при использовании пословиц и поговорок проявляется в тех случаях, когда писатель, беря за основу какую-либо единицу, образует по ее модели собственное, часто афористичное выражение, заменяя все компоненты исходной единицы, что «резко сказывается на семантической характеристике новообразования» [3, с. 79].

Подобные видоизменения пословиц, стоящие на грани фразообразования, нередко сопровождаются и другими модификациями, например, лексической меной компонента на основе антонимии, а также варьированием по линии утверждения – отрицания, как в следующем отрывке из письма А. А. Толстой: «Я ему сказал: *“Женитесь. Не в обиду вам будь сказано, я опытом убедился, что человек неженатый до конца дней мальчишка. Новый свет открывается женатому”*. Вот он и женился. Теперь я готов бежать за ним и кричать: я не то, совсем не то говорил. Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь. **Ум хорошо, а два лучше**, говорит пословица; а я говорю: **одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах, еще хуже**» (Письмо А. А. Толстой от 27.11.1865; т. 61, с. 121). Эти слова представляют собой реакцию на известие о том, что А. Ф. Тютчева вышла замуж за И. С. Аксакова, и выражают уже не иронию, а сарказм, являясь завершением следующего контекста: «...Брак А. Тютчевой с Аксаковым поразил меня, как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужеского рода, то это будет тропарь или кондак, а ежели женского рода, то российская мысль, а может быть, родится существо среднего рода – воззвание или т. п. Как их будут венчать? и где? В скиту? в Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде? Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку и, протянув руки на сочинения Хомякова, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке» (там же). Толстой высмеивает истовое православие славянофила Аксакова, иронизирует по поводу его пристрастия к допетровской боярской Руси. Образ «души в кринолине» возникает еще два раза в том же письме, причем оба раза с лексической меной компонентов: **разум в кринолине** и **душа в sage** (sage в переводе с французского – кринолин). Во-первых, таким образом Толстой еще раз дает отрицательную ироническую оценку А. Тютчевой, о которой он пишет так: «Ежели бы в самом деле могла быть **душа** или, скорее, **разум в кринолине**, тогда бы все было прекрасно; но, к несчастью, в

душе этой было настолько земного лимона (*limon*), что она пошла за Аксакова» (там же). Во-вторых, обращаясь к своему адресату, Александре Андреевне Толстой, Лев Николаевич говорит ей о том, что она выгодно отличается от А. Тютчевой, на место которой (воспитательницы великой княжны Марии Александровны) она поступает: «*Что вы умная, образованная и добрая женщина, это знают другие; я знаю то, что, кроме всего этого, вы, противно вашей предшественнице, не одна душа в cage, а в вас плоть и кровь – в вас были, есть и будут людские страсти*» (там же).

Таким образом, анализируя индивидуально-авторские варианты ФЕ в дискурсе Л. Н. Толстого, можно прийти к выводу, что хотя типы их весьма разнообразны, но все подобные преобразования выполняют определенные функции, которые сводятся к следующему. Автор, трансформируя ФЕ, получает возможность уточнить, конкретизировать содержание единицы, актуализировать отдельные компоненты значения, усилить воздействие на читателя, добиваясь интенсификации оценки или экспрессии; по-своему расставить смысловые акценты, иногда постулируя как жизненный принцип значение, противоположное тому, которое заложено в инварианте; усилить аргументацию и облегчить проведение аналогий; кроме того, окказиональное изменение ФЕ в дискурсе Л. Н. Толстого нередко приводит к созданию комического эффекта, позволяет выразить иронию, а иногда – самоиронию.

Список литературы

1. Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу / В. Т. Бондаренко // Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995.
2. Карцевский С. О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М. : Просвещение, 1965. – С. 85–90.
3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Словарь. – М. : Русские словари, 1997.
4. Мелерович А. М. О некоторых закономерностях реализации в тексте семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов / А. М. Мелерович // Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д : РГПИ, 1989. – С. 56–64.

Архангельська Юлія. Трансформація фразеологічних одиниць як засіб вираження іронії в дискурсі Л. Толстого / Юлія Архангельська // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 167–173.

У статті проаналізовано різноманітні типи трансформацій фразеологічних одиниць, що сприяють вираженню іронії в дискурсі Л. М. Толстого. Індивідуально-авторські варіанти фразеологічних одиниць узяті з текстів письменника різної жанрової та стилістичної приналежності.

Ключові слова: окказиональні перетворення фразеологізмів, семантичне варіювання, формально-семантичні трансформації, структурне варіювання, фразеологічне новаторство Толстого.

Arkhangelska Julia. Transformation of Phraseological Units as a Means of Expression Irony in the L. Tolstoy's Discourse / Julia Arkhangelska // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 167–173.

In the article several types of transformation of phraseological units are under analysis, that contribute expression of irony to the discourse of L. N. Tolstoy. Individual author's variants of phraseological units are taken from the writer's texts of different genres and styles.

Key words: occasional transformation of phraseological units, semantic variation, formal semantic transformations, structural variation, phraseological innovation of Tolstoy.

Стаття надійшла до редакції 17 травня 2012 року